

КАТА
РИОС

Жапа 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ката Риос

Жара 2. Горячие истории

«Автор»

2026

Риос К.

Жара 2. Горячие истории / К. Риос — «Автор», 2026

В этом сборнике собраны истории, которые вы не решитесь прочитать вслух. Откровенные, жаркие сцены, яркие эмоции и герои, которые не боятся своих желаний. Они нарушают все мыслимые правила. Поддаются запретным искушениям и переходят черту, отделяющую ненависть от безумной страсти. Босс и его секретарша, незнакомец в дождливый вечер, бывшие, встретившиеся спустя годы...Только для взрослых!Только наедине с собой!Переходи на страницу автора и ищи первый сборник "Жары"!

© Риос К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

История 1. Властный босс	5
История 2. Друг моего жениха	13
История 3. Встреча выпускников	21
История 4. Наглый студент	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ката Риос

Жара 2. Горячие истории

История 1. Властный босс

Дождь барабанил по стеклу, смывая с города остатки сентябрьского тепла. Я стояла у окна в приемной, глядя на серую пелену, и пыталась унять дрожь в коленях. Сегодня был мой третий день в корпорации «Атлант». Третий день ада, который устроил мне человек за массивной дубовой дверью.

— Анна, кофе.

Голос из динамика селектора прозвучал как выстрел. Холодный, резкий, не терпящий возражений. Даже не «Анна, принесите, пожалуйста», а просто приказ.

Я стиснула зубы и направилась к кофемашине. Ненавижу, как он это делает. Ненавижу, как он смотрит исподлобья. Ненавижу его. Зачем я только устроилась на работу к такому тирану?

Итак, мой начальник. Максим Викторович Орлов. Тридцать восемь лет. Владелец и генеральный директор одного из крупнейших строительных холдингов страны. Высокий, широкоплечий, с тяжелым подбородком и глазами цвета антрацита, которые, казалось, видят каждую твою неуверенность, каждую секунду страха. Его голос, низкий, с легкой хрипотцой, мог заморозить кровь, а мог Впрочем, нет. Только заморозить. Для меня — только заморозить!

Я вошла в кабинет, стараясь не расплескать горячий, ароматный напиток. Он сидел за столом, просматривая какие-то чертежи. Даже не поднял головы. Светлый офисный пиджак небрежно висел на спинке кресла, рукава безупречно белой рубашки были закатаны до локтей, обнажая сильные, покрытые темными волосками руки. От него исходила волна такой силы и власти, что у меня снова перехватило дыхание.

— Ваш кофе, Максим Викторович, — тихо произнесла я, ставя чашку на стол.

— Три куска сахара? — спросил он, все еще не глядя на меня.

— Два, — поправила я, замирая. Сердце ухнуло в пятки. — Вы же, обычно, кладете два.

Он медленно, очень медленно поднял голову. Его взгляд, тяжелый и немигающий, впился в меня. Я почувствовала, как к щекам приливает кровь, а во рту становится сухо.

Черт, я опять все напутала!

— Я просил три, — произнес он ледяным тоном. — Вчера я просил три. Значит, и сегодня нужно было положить три!

Он сверлил меня взглядом

Вы что, не способны запомнить простейшую информацию, или работа секретаря для вас слишком сложна?

— Я в записях предыдущего секретаря было указано два, — пролепетала я, ненавидя себя за этот жалкий, дрожащий голос.

— Плевать я хотел на записи предыдущего секретаря! — отрезал он, отодвигая чашку. — Я уволил ее именно потому, что она была бестолковой! Переделайте.

Я схватила чашку, чувствуя, как от гнева и унижения к глазам подступают слезы. Моя первая серьезная работа. Я так мечтала о ней, так готовилась. И я действительно стараюсь, выкладываюсь на все сто! А он он просто монстр. Грубое, властное, бесчувственное чудовище. За что он меня так ненавидит?

Я торопливо выбежала из кабинета, прикрыла за собой дверь, но перед тем, как варить новый кофе, показала строгому боссу средний палец сквозь закрытую дверь.

Грубиян! Урод!

Хотя, уродом он точно не был. Скорее, наоборот. Холеный красавец Но какое мне до этого дело?

Следующие несколько дней были такие же, как первые - похожие на бесконечную пытку. Босс придирался ко всему: не так лежит ручка, не тот шрифт в письме, слишком громко стучат мои каблук по паркету.

Я вздрагивала каждый раз, когда срабатывал селектор. Его голос, холодный и беспощадный, преследовал меня даже во сне. Я его за это люто, до скрежета зубов ненавидела. Ненавидела за грубость, за унижения, за то, что заставлял меня чувствовать себя полным ничтожеством.

Но однажды все изменилось.

Это был конец тяжелой недели. Пятница, почти девять вечера. Весь офис давно опустел, только я заканчивала квартальный отчет, который он потребовал «еще вчера».

В кабинете Орлова горел свет. Он работал, не выходя, уже несколько часов.

И тут вдруг дверь резко открылась. Он стоял на пороге, ослабив узел галстука. Лицо его было серым от усталости, под глазами залегли тени. Таким я его еще не видела.

— Отчет, — бросил он хрипло. — Быстро.

Я тут же вскочила, схватила папку и почти бегом понеслась к нему. Протянула бумаги дрожащей рукой. Он взял их, наши пальцы на мгновение соприкоснулись. Меня будто током дернуло. Его кожа была сухой и горячей. Внутри что-то предательски дрогнуло.

Он стоял слишком близко. Я чувствовала запах его дорогого парфюма с горьковатыми нотками и амброй. Было и что-то еще — запах самого мужчины, запах теплой кожи, усталости и силы. От него исходил жар, как от печи. Я не смела поднять глаза, рассматривая пуговицы на его рубашке, и чувствовала, как бешено колотится мое сердце.

— Вы даже не удосужились его проверить? — рявкнул он, и его голос разрезал тишину, как нож.

Я даже подскочила на месте.

— Я я все проверяла, Максим Викторович. Там

— Там ошибка в итоговой сумме по второму кварталу, — резко перебил он, швыряя папку на мой стол. Бумаги веером разлетелись по полу. — Вы меня за идиота держите? Нервы мои испытываете?

— Нет, что вы! — пролепетала.

Я замерла, просто окаменела. Но только сначала. Он смотрел на меня тяжелым взглядом, и я вдруг пересилила себя и тоже взглянула на него.

Наши взгляды пересеклись, и тут внутри меня будто что-то взорвалось.

Весь накопившийся за неделю страх, напряжение и унижение вскипели во мне, превратившись в ядерную смесь ярости.

Я резко вскинула голову, не отводя взгляда от его надменного лица. И в этот момент что-то во мне сломалось. Внутренний предохранитель, который всегда заставлял меня молчать и терпеть, разлетелся на куски.

Надоело молчать! Пропади пропадом эта работа! Найду другую! Пусть этот грубиян катится к черту!

— Вы — голос мой, сначала тихий, набирал силу. — Вы чудовище! Вы же получаете удовольствие, унижая людей! Я не спала ночь, делая этот отчет! Я проверила каждую цифру, и вы это знаете! Вы просто хотите меня снова унижить! Хотите уволить меня, такую дуру? Так увольте! Но не смейте больше относиться ко мне, как к ничтожеству! Проявляйте уважение, ведь я тоже человек, как и вы!

Он опешил от такой эмоциональной тирады. В его глазах, этих антрацитовых омухах, впервые мелькнуло что-то, похожее на удивление. Маска ледяного презрения дрогнула. Он смотрел на меня, запыхавшуюся, с пылающими щеками и горящими гневом глазами, и молчал.

— Я не робот! — выкрикнула я, уже не контролируя себя. Слезы обиды текли по моим щекам, и я их не вытирала. — У меня есть чувства! А вот вы вы похожи на бездушную машину!

— Анна — хрипло произнес мужчина.

Голос его прозвучал мягче, но я уже не могла слушать ни единого слова.

— Максим Викторович, я не могу больше. Я увольняюсь. Прямо сейчас!

Я резко развернулась, чтобы уйти, бросить это все к черту, но его рука, стальным браслетом сомкнувшаяся на моем запястье, остановила меня. Рывок — и я впечаталась в его твердую, как камень, грудь.

Это было так неожиданно, что меня снова пронзило током. Я испугалась этой силы и его опасной близости. Все внутри задрожало.

— Пустите! — закричала я, пытаюсь вырваться. — Не трогайте меня! Я ненавижу вас! Какое вы право имеете хватать меня?

— Тише-тише, девочка, — прорычал он, но в этом рыке не было злобы. В нем была дикая, необузданная энергия, которая парализовала меня сильнее любого крика. — Тише, Анна, успокойся.

Успокойся?

Как???

Босс прижимает меня к себе огромными ручищами! Как тут успокоиться?

И прежде чем я успела что-то сказать, его рот накрыл мой. Это был не поцелуй — это было наказание. Наказание за мой бунт, за мою дерзость. Жесткий, властный, он не просил, он брал. Его язык, горячий и настойчивый, раздвинул мои губы, и мир взорвался. Вкус крепкого кофе и чего-то запретного, опасного заполнил все мое существо. Мои протесты замерли, превратившись в слабый стон.

Наверное, у меня слишком давно не было мужчины, потому что как иначе объяснить то, что я так быстро сдалась?

Одной рукой он все еще держал мое запястье, а второй, властно сжав талию, притягивал меня к себе так крепко, что я чувствовала каждую твердую линию его тела. Его возбуждение упиралось в мой живот, и от этого осознания, от этой дикой, животной силы у меня подкосились ноги. Гнев, ненависть — все смешалось в гремучую, взрывоопасную смесь, в центре которой была страсть. Запретная, темная страсть, которую я так долго в себе давила.

Он оторвался от моих истерзанных губ и посмотрел на меня. Его глаза, еще минуту назад холодные как лед, теперь горели темным, опасным огнем. В их глубине я увидела не триумф победителя, а мучительное, невыносимое желание. Он смотрел на меня так, словно хотел съесть, испепелить, растворить в себе.

— Ты ведь сама этого хотела, — прошептал он, и от этого низкого, хриплого голоса по спине побежала дрожь.

— Нет — слабо запротестовала я, но мой голос звучал неубедительно даже для меня самой.

Внизу живота сладко заныло от предвкушения. Я облизнула пересохшие губы, и он снова поцеловал меня - так же властно, так же неистово. Его язык проник мне в рот, и я задрожала, чувствуя, как трусики стали влажными от возбуждения.

Он одним движением смахнул все со своего стола. Папки, ручки, лампа — все с грохотом полетело на пол. А в следующую секунду я уже сидела на столе, чувствуя под собой холодную гладкую поверхность, а он стоял между моих разведенных коленей. Его руки грубо задрали мою строгую юбку до самой талии.

— Ты сводишь меня с ума, девочка, — прохрипел он, целуя мою шею, оставляя на ней влажные, обжигающие дорожки. — Своей скромностью. Своим страхом. Своей дерзостью. С первого дня, как ты вошла в мой кабинет Я хочу тебя положить на этот стол и

Его слова, грубые и откровенные, хлестали по моему сознанию, ломая последние барьеры.

Мое тело предало меня. Оно изнывало от желания, каждое нервное окончание кричало, требуя его прикосновений. Мои пальцы, помимо моей воли, вцепились в его плечи, ощущая твердые мускулы под тонкой тканью рубашки.

Я не сопротивлялась. Я хотела его так же сильно, как и ненавидела. И это противоречие рождало такую бурю эмоций и ощущений, что я просто отдалась течению нашей страсти.

Мои руки, дрожа, начали расстегивать пуговицы на его рубашке. Пальцы не слушались, соскальзывали, и он, глухо зарывчав, просто дернул ткань так, что дорогие пуговицы разлетелись в стороны. Моему взору открылось его тело — рельефная грудь, покрытая темными волосками, дорожка, убегающая вниз, под ремень брюк. Не думая, я провела по ней кончиками пальцев, и он застонал, запрокинув голову.

— Да, — выдохнул он. — Не смей останавливаться.

Эта капитуляция, этот стон удовольствия, сорвавшийся с губ властного тирана, стали для меня лучшим афродизиак. Я, все такая же скромная секретарша, вдруг почувствовала над ним власть. Власть женщины, которую хотят до безумия. Невероятное ощущение!

Его руки тем временем уже стянули мое белье. Его пальцы, грубые и умелые, скользнули в самое интимное место - туда, где пульсировал и горел огнем истосковавшийся по мужской ласке клитор. Едва он дотронулся до него, спазм оргазма сотряс мое тело. Я закричала от наслаждения, выгнувшись ему навстречу. Никогда раньше я не кончала так быстро.

— Горячая, сочная, — шептал босс мне в ухо, — давно не занималась сексом?

— Я Нет — пролепетала я, но он не дал сказать, накрыл рот жадным поцелуем.

— Так даже лучше, — прорычал он, — обожаю недотрог!

Его руки блуждали по моему телу. Он сорвал с меня лифчик, тонкое кружево с треском порвалось.

— Я все возьму, — сказал он и, склонившись к моей груди, облизал соски - сначала один, потом второй. Я застонала, откинувшись назад, запрокинув голову от наслаждения.

Я снова уже была влажной, готовой для него. Он провел пальцами по моему лону, дразня, изучая, лаская и мое дыхание превратилось в частые, прерывистые всхлипы.

Я неистово хотела его!

— Умоляю — прошептала я, сама не зная, о чем прошу. — Максим

Услышав свое имя, сказанное таким страстным голосом, он потерял остатки контроля. С глухим рыком он расстегнул брюки, и я почувствовала, как в меня упирается его большой, горячий, пульсирующий член. Он не стал медлить. Один резкий, мощный толчок — и он заполнил меня всю, до предела. Я закричала, но его рот снова накрыл мой, заглушая звуки. Боль от проникновения быстро сменилась другим ощущением - желанием, чтобы это не кончалось. Босс трахал меня, как последнюю шлюху, на своём письменном столе, а я, потеряв разум от похоти, кричала от удовольствия и раздвигала бедра еще шире навстречу его движениям.

Весь мир перестал существовать для меня в тот миг, я отдалась ему вся, без остатка.

Это был дикий, необузданный секс. Быстрый, жаркий, как лесной пожар. Он брал меня на своем рабочем столе, среди разбросанных бумаг, и каждое его движение было полно той же властности и силы, что и он сам. Офисное кресло жалобно скрипело в такт его мощным, ритмичным толчкам. Мои ноги обвивали его бедра, каблуки туфель, которые я так и не сняла, упирались ему в ягодицы, притягивая еще ближе, еще глубже.

С каждым движением его дыхание становилось тяжелее, а тихие стоны превращались в хриплое рычание. Я чувствовала, как внутри меня вновь нарастает напряжение, скручивается в тугую спираль. Мир сузился до одной точки — до места нашего слияния. Пот выступил у него на лбу, капли скатывались по виску, срывались вниз. Я слизнула одну из них, почувствовав соль на губах, и это добило его.

— Моя, — прорычал он мне в ухо, входя в меня с удвоенной силой. — Ты моя!

От этого слова, от этого животного обладания, я разлетелась на миллион осколков. Очередной оргазм пронзил мое тело молнией, острой, сладкой, невыносимой. Мышцы внутри ритмично сжались вокруг его плоти, и он, взревев, излился в меня мощным, горячим потоком.

Несколько минут мы стояли, не шевелясь. Тишину нарушало только наше тяжелое, сбившееся дыхание. Он все еще был во мне. Это был интимный, хрупкий момент.

Его лоб упирался в мое плечо, и я чувствовала, как его тело сотрясает легкая дрожь. Внутри меня разлилась сладкая нега, как всегда бывает после хорошего секса.

А потом

Реальность обрушилась на меня. Что мы натворили? Что я натворила? Это же мой босс. Мой женатый босс!!!

Я мягко оттолкнула его, и он позволил мне это сделать. Я не могла понять по его лицу, что он чувствует.

Соскользнув со стола, я одёрнула юбку, быстро надела порванный лифчик и блузку. Ноги дрожали, внизу живота все еще разливалась приятная истома, смешанная с острым, щемящим чувством стыда. Я больше не могла на него смотреть и находиться рядом. Подняла с пола пиджак, прижала к груди, как щит, подошла к двери.

— Анна — его голос прозвучал глухо. Он стоял, уже приведя себя в порядок, и смотрел на меня. В его глазах больше не было льда. В них плескалась бездна — смятение, уязвимость и все то же невыносимое, тяжелое желание. — Посмотри на меня.

Я покачала головой.

— Это это ошибка. Этого не должно было случиться. Простите! Не знаю, что со мной случилось! — прошептала я, чувствуя, как к глазам снова подступают слезы, но теперь совсем другие.

Я схватила свою сумку и, не оборачиваясь, выбежала из приемной. Он меня не остановил.

С понедельника началась новая пытка. Пытка тишиной. Босс перестал придирааться. Он вообще перестал со мной разговаривать и перевел меня в другой отдел, подальше от себя. Все указания передавал по корпоративной почте, сухим, канцелярским языком. Кофе ему теперь приносила стажерка - нелепая долговязая девчонка в круглых очках.

Я видела его лишь мельком: в лифте, на совещаниях. Он был все так же безупречен, холоден и неприступен. Но я-то знала. Я видела тени под его глазами, замечала, как он трет переносицу, прогоняя навязчивые мысли. Он не смотрел на меня, но я кожей чувствовала его присутствие, огонь, сжигающий его, сжигал и меня. Электричество, возникавшее между нами, теперь не разряжалось грозой, а копилось в воздухе, делая его вязким и удушливым.

Я больше не ненавидела его. Я ненавидела себя. За свою слабость, за то, что мое тело предало меня и до сих пор горело при воспоминании о той ночи. Я стала одержима. В моей голове прокручивались сценарии один жарче другого. Я представляла его руки, его губы, его тяжелое дыхание. И ненавидела себя за эти мысли.

Так прошла неделя. Самая длинная неделя в моей жизни. Мы оба были как натянутые струны.

Несколько раз к нему в офис приходила жена. Красивая, холеная женщина, которую и до этого я видела на корпоративных фото. Ревность жгла меня изнутри. Он сделал меня своей любовницей! Своей шлюшкой! Я называла себя всеми теми словами, которые всегда презирала. Но все равно тайно желала, чтобы наш секс с боссом повторился.

В очередную пятницу, когда я снова засиделась допоздна, заканчивая срочные письма, дверь его кабинета с тихим щелчком открылась. Он стоял в проеме, без пиджака, рубашка была наполовину вытащена из брюк. Волосы были взъерошены, словно он постоянно запускал в них руку. Он посмотрел на меня, сунул руки в карманы.

— Анна, заходи ко мне, — бросил он и скрылся в кабинете.

На этот раз это был не приказ. Это была мольба. Мое сердце забилося где-то в горле. Я встала и на ватных ногах пошла за ним, как послушная овечка.

Как только я переступила порог его кабинета, он захлопнул дверь и тут же прижал меня к ней. Его руки легли на дверь по обе стороны от моей головы, заключая меня в клетку. От него пахло не кофе и парфюмом, а терпким виски и отчаянием.

— Я пытался, — прошептал он, глядя мне прямо в душу своими потемневшими, безумными глазами. — Я пытался держаться от тебя подальше. Но ты ты сводишь меня с ума, девочка. Ты преследуешь меня везде. Твой запах, твой голос, то, как ты вздрагиваешь, когда я прохожу мимо. Я хочу тебя! Я хочу тебя постоянно!

— Максим Викторович — пискнула я, но он закрыл мне рот ладонью.

— Заткнись, — грубо сказал он. — Не называй меня так. Я не могу, понимаешь? Не могу работать, не могу спать. Я только и думаю о том, как снова оказаться внутри тебя. Почувствовать, как ты сжимаешься вокруг меня. Ты, маленькая сучка, крепко завладела мной!

Он был пьян сильнее, чем я думала. Но его слова, грубые, лишённые всякой романтики, были самым сильным признанием, которое я когда-либо слышала. Запретный плод, который мы вкусили, отравил нас обоих. И противоядия не было.

— Я тоже думаю об этом. Я тоже хочу вас, — выдохнула я, признаваясь в своем позоре. — Каждую минуту. Очень сильно.

Это было равносильно тому, чтобы плеснуть бензин в костер. Он стал дышать тяжело, а потом поцеловал меня.

Второй раз не был похож на первый. Если в первый раз это был взрыв, стихийное бедствие, то теперь это было медленное, мучительное горение. Он целовал меня жадно, но в то же время изучающе, словно хотел запомнить вкус моих губ навсегда.

Потом он, целуя, повел меня к огромному кожаному дивану в углу кабинета, раздевая по пути. Но теперь он не рвал, он расстегивал. Медленно, мучительно медленно, покрывая поцелуями каждый обнажающийся участок кожи. Его руки не были грубы, но они были все так же властны. Он уложил меня, голую, на диван, а сам опустился на колени передо мной.

— Я хочу попробовать тебя всю, — прошептал он, и от этих слов мои внутренности скрутило в тугой узел.

Он наклонил голову, вдохнул мой интимный запах, коснулся губами моих влажных от возбуждения половых губ, застонал, держа меня, дрожащую и извивающуюся, руками.

— Ты пахнешь сексом!

Его язык начал свой путь от моей лодыжки, по икре, под коленом, все выше и выше. Я извивалась под ним, как змея, вцепляясь пальцами в кожаные подушки. Я стонала, а он дразнил меня, обходил самые чувствительные места, заставляя всхлипывать и умолять. Власть в его руках, в его губах была абсолютной. Но и моя власть над ним была безгранична. Я видела, как дрожат его пальцы, когда он касается меня. Я слышала его прерывистое дыхание.

Наконец, его рот накрыл мою вагину - жадно, властно, и мир перестал существовать. Я вскрикнула, выгнувшись дугой. Это была не ласка — это была попытка наслаждением.

Он был беспощаден, доводя меня до грани снова и снова, но не давая упасть в пропасть. Его язык то массировал клитор, то проникал внутрь меня. И это было восхитительно!

Я была мокрой от его слюны и своего желания. Чувство было настолько острым, что слезы текли по моим щекам.

— Пожалуйста Максим я больше не могу — рыдала я.

— Можешь, — прошептал он, поднимаясь выше и одним резким толчком входя в меня.

Он любил меня на этом диване, покрывая поцелуями мое лицо, слизывая слезы. В этот раз не трахал, как шлюху, а любил - как желанную женщину.

Это было не просто совокупление. Это был акт полного, абсолютного слияния. Мы стали одним целым. Его движения были то нежными и глубокими, то резкими и властными, и я

отзывалась на каждое, двигаясь с ним в унисон. Мы подходили друг другу идеально, как две части одного проклятого пазла.

Наши оргазмы настигли нас одновременно. Он рухнул на меня, тяжелый, жаркий, потный, и я обняла его, прижимая к себе, глядя по влажным волосам. Мы лежали молча. В тишине офиса раздавался только стук наших сердец, постепенно замедляющийся.

Именно в эту минуту абсолютной, казалось бы, близости я почувствовала пропасть между нами. Не физическую — душевную.

Какой бы желанной ему я не была, я всего лишь любовница. Он — женатый мужчина. И этот диван, этот стол, этот кабинет — вот и весь наш мир. Здесь мы — всепоглощающая страсть. За его пределами — никто. И это не изменится.

Он словно прочитал мои мысли. Его голос, все еще хриплый, прозвучал глухо:

— Анна Ты сводишь меня с ума, но Ты же знаешь, я не могу ничего обещать тебе. Ты знаешь мое положение.

Он не говорил о жене. Но это «положение» было хуже ножа. Я — его положение. Запретная страсть в мире статуса и денег. Я молча кивнула и в этот момент что-то внутри меня обвалилось и рухнуло вниз, разбилось.

Выходя из кабинета босса, я приняла решение. Не в порыве гнева, а с холодной, ясной, как стекло, решимостью.

Следующие несколько дней были для меня как в тумане. Я написала заявление об уходе. Причину указала размытую: «по собственному желанию». Пока оно лежало у меня в столе, я продолжала работать, выполняла поручения, разбирала почту. Наши взгляды иногда пересекались, рождая искры. Он иногда ловил мой взгляд, и в его глазах я видела все ту же темную, безнадежную страсть. Но я уже знала, каким будет финал этой истории.

В тот последний день он вызвал меня к себе в конце рабочего дня. Я вошла, сжимая в руке белый конверт с заявлением. Он стоял у окна, спиной ко мне. Плечи его были напряжены.

— Максим Викторович, — начала я официальным тоном, и он вздрогнул от этого обращения, как от удара. — Я пришла попрощаться. Вот мое заявление.

Он резко обернулся. На его лице была маска, но глаза в них бушевала буря. Я видела, как он сжимает и разжимает кулаки.

— Не делай этого, Анна — сказал он охрипшим голосом. — Ты нужна мне!

Вот оно. Слова, которые я так хотела услышать и так боялась. «Ты нужна мне». Не как секретарь. Как женщина. Как воздух.

— А вы нужны мне, — тихо ответила я, и мои глаза наполнились слезами. — Весь, целиком. А так не будет. У вас есть жена, Максим. И я не могу быть просто грязным секретом. Я не могу жить в этой клетке, даже если она золотая.

— Я все улажу, — выдохнул он, делая шаг ко мне. — Клянусь тебе, я все решу. Дай мне время. Только не уходи, девочка.

Его голос сломался. Брутальный, властный начальник, державший в страхе всю корпорацию, умолял меня, простую секретаршу, остаться с ним. Его руки обхватили мое лицо, большие пальцы стерли слезы с моих щек.

Я посмотрела в его глаза, ища там правду. И я ее увидела. Он не врал. Он действительно хотел этого. Но между «хотеть» и «сделать» лежала пропасть.

У него был мир, который он строил годами, были обязательства, был брак, который, даже дав трещину, все еще существовал. А я я просто хотела любить и уважать себя, а не терять время на бессмысленное ожидание.

Пусть эта страсть останется здесь, в его офисе. Я хочу не любовника, а любимого - мужчину, а затем мужа. Я не хочу делить своего избранника с кем-то другим.

Я мягко взяла босса за запястья и отвела его руки от своего лица.

— Это был невероятный секс, и я почти влюбилась в вас! — сказала я, — Но себя я люблю больше. Прощайте, Максим.

Я положила конверт с заявлением на его стол и вышла из кабинета, оставляя позади его высокую, сексуальную фигуру, манящий запах его парфюма, наши с ним запретные ночи. Я шла по пустому коридору, и мои каблуки нарочно стучали слишком громко, отсчитывая последние секунды моей старой жизни.

Я увольнялась, но впервые за долгое время чувствовала себя свободной.

Я все сделала правильно - между властным боссом и своим светлым будущим я выбрала будущее. А классный секс Он еще обязательно будет. И не раз!

Не так важно, что в определенные жизненные моменты мы идем на поводу у своих чувств и совершаем ошибки. Важно в итоге, стоя перед непростым выбором, выбрать СЕБЯ, свое счастье и благополучие.

История 2. Друг моего жениха

Свадьба должна была состояться через неделю. Мы с Кириллом были той идеальной парой, на которую оглядывались в ресторанах и которой восхищались друзья. Три года вместе, из которых два мы прожили душа в душу в нашей уютной квартире с видом на парк. Он — успешный архитектор с золотыми руками и заразительным смехом. Я — дизайнер интерьеров, нашедшая в нем не только любимого мужчину, но и родственную творческую душу. Совсем скоро мы узаконим наши отношения и станем семьей. Идеальной семьей!

В то утро все шло по плану. Мы собирались на финальную примерку моего свадебного платья. Перед этим Кирилл позвонил и сказал, что захватит своего друга детства, Артема, который как раз приехал из другого города и будет шафером на свадьбе.

— Лер, он просто заедет со мной в ателье, мы подождем тебя, а потом пообедаем втроем. Ты же не против? — его голос в трубке звучал тепло и немного виновато.

— Конечно, нет. Я наконец-то познакомлюсь с легендарным Артемом, о котором столько слышала, — улыбнулась я, поправляя перед зеркалом легкое летнее платье.

Мы встретились в холле бизнес-центра, где на пятнадцатом этаже располагалось ателье.

— Знакомься, милая, это Артем, лучший в мире кореш. А это Лера - самая красивая в мире девушка.

Мы все трое улыбнулись друг другу.

Артем оказался полной противоположностью моего жениха. Если Кирилл был светловолосым, голубоглазым и каким-то по-домашнему уютным, то его друг источал опасную, хищную энергетику. Высокий брюнет с острыми скулами и темными, почти черными глазами, в которых плясали бесенята. Он был одет во все черное, и от него веяло чем-то запретным.

— Лера, — произнес он, пожимая мою руку чуть дольше положенного. Его ладонь была горячей и сухой. — Кирилл рассказывал о вас но он не сказал, насколько вы красивы. Просто богиня!

Я смутилась, чувствуя, как к щекам приливает румянец. Его комплимент прозвучал не как дежурная вежливость, а как констатация факта, от которой по телу побежали мурашки.

— Артем у нас известный сердцеед, — хохотнул Кирилл, по-хозяйски обнимая меня за талию и целуя в висок. — Не обращай внимания.

Мы вошли в лифт. Просторная кабина с зеркальными стенами и мягким светом. Кроме нас троих, никого. Кирилл нажал кнопку пятнадцатого этажа, и двери плавно закрылись.

— Ну что, готов к семейной жизни? — подколот друга Артем, облачиваясь на поручень. — Еще есть время сбежать.

— Готовь свою поздравительную речь, я не смогу сбежать, она меня приворожила, — парировал Кирилл, и его рука скользнула по моей спине, остановившись чуть ниже талии. От этого собственнического, но такого привычного жеста я невольно улыбнулась.

Лифт мягко загудел, набирая скорость. Мы проехали третий, четвертый, пятый этаж И вдруг что-то произошло. Раздался резкий, скрежещущий звук, кабина дернулась и замерла. Свет на мгновение мигнул и погас, погружая нас в кромешную темноту.

Я вскрикнула от неожиданности, инстинктивно вцепившись в руку Кирилла.

— Спокойно, девочки, — голос Артема прозвучал из темноты на удивление невозмутимо. — Просто застряли. Такое бывает.

Через секунду включилось аварийное освещение — тусклая лампочка под потолком, залившая кабину мертвенно-бледным, но достаточным, чтобы видеть друг друга, светом. Кирилл несколько раз нажал кнопку вызова, но динамик молчал.

— Черт, — выругался он. — Связи нет.

Он достал телефон. Я тоже полезла в сумочку за своим. Артем лениво повторил наш маневр. Результат был один — «Нет сети». Мы были в бетонной коробке, отрезанные от всего мира.

— Ну что, дамы и господа, — Артем усмехнулся, расстегивая верхнюю пуговицу своей черной рубашки. — Похоже, у нас есть несколько часов на то, чтобы узнать друг друга получше. Очень получше.

От его тона, от этого низкого, с хрипотцой голоса, у меня пересохло во рту. Я прижалась к Кириллу, ища у него защиты от смутного, непонятного беспокойства, которое начал сеять во мне его брутальный друг.

Мы ждали. Прошло пятнадцать минут. Полчаса. Час. В кабине становилось душно. Кирилл снял пиджак и остался в тонком джемпере. Я обмахивалась ладонью, чувствуя, как легкое платье начинает неприятно прилипать к телу. Артем же вовсе не выглядел обеспокоенным. Он сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и наблюдал за нами. В основном, за мной. Его взгляд скользил по моим ногам, по изгибу талии, по шее, и в полумраке лифта он казался откровенным, обжигающим, почти физическим прикосновением.

Хорошо, что в полумраке не было заметно, как пылают румянцем мои щеки.

— Скучно, — вдруг произнес Артем, нарушив напряжённую тишину, — Давайте чем-нибудь займемся?

У меня по спине побежали мурашки от того, как двусмысленно прозвучала эта фраза!

— Чем? — лениво откликнулся Кирилл, — будем играть в “города”?

— Ну, есть игры поинтереснее, — ухмыльнулся Артем и подмигнул мне.

Я криво улыбнулась. Что это за знаки внимания такие откровенные в мою сторону? Я же не просто девчонка-подружка, я невеста его лучшего друга, почти жена! Что этот наглец себе позволяет?

Я уже открыла рот, чтобы сказать Артему что-нибудь колкое, но тут он снова заговорил:

— Кир, а помнишь, о чем мы говорили на прошлой неделе? Когда ты напился и ночевал у меня?

Я почувствовала, как рука моего жениха, лежавшая на моем плече, напряглась.

— Артем, ну ты чего, не стоит? Перебирали всякую ерунду! — быстро проговорил он.

— Ой, как интересно! — я повернулась к жениху. — И о чем же вы говорили?

— Не бери в голову, Лер. Пьяный бред.

— Это не был бред, — спокойно, даже вальяжно продолжил Артем.

Он поднялся и сделал шаг к нам. В тесном пространстве лифта это движение сразу сделало обстановку интимной, почти угрожающей. — Ты сказал, что тебе страшно. Что вы с Лерой вместе уже три года, что ваш секс стал пресным, как больничная каша. Ты боялся, что после свадьбы он превратится в рутину, и тебе придется до конца жизни

— Да заткнись ты! — резко оборвал его Кирилл, но его голос дрогнул.

Я остолбенела, глядя на него во все глаза. В моей груди разрасталась ледяная пустота.

— Пресным? — хрипло переспросила я, чувствуя, как кровь отливает от лица. — Ты считаешь наш секс пресным? Ты обсуждаешь наш секс с друзьями?

Это был настоящий удар под дых! Как он мог? Даже я ни с кем не обсуждаю нашу интимную жизнь, хотя могла бы! Мне, действительно, было о чем пожаловаться подругам!

— Лера, не слушай этого придурка! Все было не так! Я просто — он запнулся, потирая переносицу. — Ну, знаешь, рутина. Работа, усталость. Нам с тобой просто нужен медовый месяц! Я очень жду нашу свадьбу!

— Что? — выдохнула я, чувствуя, что сейчас расцарапаю лицо своему будущему мужу.

— Лер, не сердись, в этом виновата не ты, — вклинился между нами Артем, и его голос прозвучал вкрадчиво, как змеиное шипение. — Кир, наверное, просто забыл, что свою женщину нужно удивлять. Что ей нужно чувствовать себя желанной не по расписанию «среда-

суббота», а каждый раз, когда она выходит из душа в одном полотенце. Женщину нужно трахать. Всегда.

Меня бросило в жар. Я не знала, что делать: то ли разрыдаться от обиды и унижения, то ли вlepить пощечину своему жениху за то, что он обсуждает нашу интимную жизнь с кем-то посторонним, то ли врезать этому нахалу, который так смотрит на меня

Ком обиды и стыда стоял в горле, а по телу, предательски, разливалось странное, острое волнение. Мне было стыдно, горько, но при этом я возбудилась. Внизу живота защекотало, трусики стали влажными. От того, что меня обсуждают эти двое, как какой-то приз, как объект похоти, как товар, от того, как Артём смотрит на меня

— Артем, я тебя прошу, хватит! — в голосе Кирилла зазвенели металлические нотки.

Еще немного, и он врежет ему. Хотя нет, драки не будет. Мой жених не такой. Нет в нем этого животного начала.

— Хватит? Но почему? — Артем пожал плечами и повернулся уже ко мне. Его глаза в полумраке казались бездонными. — Лера имеет право знать. А еще она имеет право получать то, чего ты ей не даешь. Ты вообще любишь ее?

— Блядь, Артем! Конечно люблю!

Мат Кирилла говорил о том, что он на грани. Я взглянула на него - и вправду, лицо стало тёмным, глаза сверкают, ноздри раздуваются от гнева.

Я перевела взгляд на Артема. Он казался спокойным, только глаза были хищно прищурены.

— Ну, раз любишь, то докажи.

С этими словами Артем подошел ко мне почти вплотную. Я стояла, прижавшись спиной к прохладной зеркальной стене лифта, чувствовала себя загнанной в ловушку. Его запах — смесь дорогого табака, кожи и мускуса — окутал меня. Так пахнут самые brutальные самцы

Кирилл стоял в шаге от нас, сжав кулаки, но он не двинулся с места. Он как будто был парализован. То ли стыдом, то ли любопытством?

— Кирилл Что вообще происходит? — хрипло прошептала я.

— Докажи ей, — повторил Артем, не слушая меня и обращаясь к другу.

При этом он не сводил с меня горящего взгляда.

— Да чего доказать-то? — воскликнул Кирилл.

— Докажи, что любишь ее, что хочешь ее. Прямо здесь. Прямо сейчас.

— Ты сбрендил? Тебе кислорода не хватает, что ли?

Они смотрели друг на друга, и кажется, готовы были сжечь друг друга взглядом.

— Докажи это своей невесте, Кир! — вдруг закричал Артем, — Или это сделаю я.

Это был вызов. Дерзкий, наглый, переходящий все мыслимые границы.

По мне пошли мурашки. Меня наполнило странное ощущение - смесь дикого страха и возбуждения. Дыхание перехватило. Низ живота скрутило тугим, горячим узлом. Я смотрела на своего жениха, ожидая, что он все-таки ударит наглеца или хотя бы заслонит меня собой. Но Кирилл смотрел на меня, и в его глазах я прочитала не гнев, а мучительное, болезненное возбуждение.

Артем улыбнулся уголками губ, заметив это так же, как и я.

— Отлично. Похоже, все согласны, — прошептал он.

— Нет! Я не

Договорить не получилось, потому что в следующую секунду горячие, жесткие губы Артема впились в мои.

Это был не нежный поцелуй. Это вообще сложно было назвать поцелуем. По-крайней мере, до этого меня никто так не целовал.

Это было нападение. Его язык, настойчивый и требовательный, раздвинул мои губы, не спрашивая разрешения. Вкус терпкой мяты смешался с моим собственным вкусом. Одна рука

легла на мой затылок, жестко фиксируя голову, а вторая скользнула вниз по талии, притягивая меня к его телу так близко, что я почувствовала твердую, горячую выпуклость под тканью его черных джинсов. Мой стон утонул в этом поцелуе. Стон протеста? Или я стонала удовольствия? Я сама не знала.

Сквозь пелену накатившего тумана я услышала сдавленный выдох Кирилла. Он не бросился разнимать нас. Он стоял и смотрел, как его друг целует его невесту. Это возбуждало еще сильнее. Его собственное дыхание стало тяжелым.

Артем оторвался от моих губ, оставляя их пылающими, влажными.

— Ну чего ты стоишь, как истукан, Кир? Иди сюда. Она же твоя! Возьми ее.

Кирилл сделал неуверенный шаг. Его лицо было бледным, на скулах играли желваки, но глаза глаза горели. Он подошел ко мне с другой стороны, и теперь я оказалась зажатой между ними, двумя сильными, разгоряченными мужскими телами. Это было самое порочное ощущение в моей жизни.

— Перестаньте! Вы оба! — гневно воскликнула я.

— Лера — простонал Кирилл с болью в голосе. — Прости меня. Но я хочу этого.

— Кирилл!

Я пыталась вырваться из плена их сильных тел, но Артем удерживал меня, а Кирилл накрыл мой рот своими губами. Его поцелуй был совсем другим — знакомым, родным. Но сейчас в нем появилось новое, отчаянное, голодное чувство, которого я не чувствовала уже очень давно. Пока он целовал, покусывая, мои губы, Артем не терял времени. Его руки скользнули под мое платье, поглаживая бедра. От прикосновения его грубых, горячих ладоней к моей коже я выгнулась дугой, застонав в губы Кирилла.

То, что сейчас со мной происходило, не могло мне присниться даже в самом смелом эротичном сне! Меня ласкали сразу двое мужчин! И мне это нравилось.

Мир сузился до размеров этой кабины. До наших разгоряченных тел. До дикой, запретной симфонии, которая только начинала звучать.

— Ей это нравится, — прошептал Артем на ухо Кириллу, но достаточно громко, чтобы слышала я. — Смотри, как она течет. Она хочет нас обоих. Да, детка?

Его пальцы отодвинули край кружевных трусиков и скользнули в мою горячую, истекающую влагой плоть. Я вскрикнула, хватаясь за плечи Кирилла.

Пальцы Артема исследовали мои пылающие укромные уголки, поглаживали и массировали набухший клитор. Это было нечто! Стыдно, запретно, неправильно, но так сладко!

Мой жених смотрел, замороженный, как рука его друга двигается под подолом моего платья. Он видел, как я извиваюсь, шумно дышу, как прикусываю губу, чтобы не закричать.

— Не сдерживайся, Лера, — проговорил Артем, продолжая мучительно медленно ласкать меня пальцами. — Мы хотим тебя слышать. Правда, Кир?

Кирилл смог только кивнуть. Его руки, слегка дрожа, начали расстегивать пуговицы на моем платье.

— Я помогу, — Артем убрал руку с моего пульсирующего клитора, вызвав у меня стон разочарования.

Вдвоем, действуя на удивление слаженно, они освободили меня от одежды. Легкое шёлковое латъе упало к моим ногам. За ним последовало кружевное белье. Через минуту я стояла перед ними обоими полностью обнаженная, если не считать босоножек на высоком каблуке. Я должна была чувствовать себя смущенной, незащищенной под их жадными, изучающими взглядами. Но я чувствовала себя богиней. Их желание окутывало меня, добавляло уверенности в собственной сексуальности.

Они оба - мои. Они оба меня хотят! Меня! Одну!!! А я Я хотела этого. Я хотела их обоих! Страстно, сильно, прямо сейчас.

Это осознание взрывало мозг и рушило все запреты.

— Вау, Кир, тебе повезло! Она совершенна, — выдохнул Артем, обращаясь к Кириллу. Голос его стал сексуально хриплым, в нем не осталось и следа былой вальяжности. Только животный голод.

— Ты видел это совершенство? Каждая линия, каждый изгиб, как у богини. Эта грудь. Эти бедра.

Не касаясь меня руками, Артем наклонился и взял губами мою напряженную, ноющую от желания вершинку груди. Его язык описал круг вокруг соска, а потом он втянул его в рот, сильно, почти грубо. Я закричала, запуская пальцы в его темные волосы. Внизу живота все напряглось. По телу пошли жаркие волны. Я застонала.

В этот момент Кирилл, опустившись передо мной на колени, развел мои ноги шире. Его горячее дыхание обожгло внутреннюю поверхность бедра. И в следующую секунду его рот накрыл мою вагину, он принялся вылизывать и ласкать меня так страстно и яростно, что я задрожала. Кирилл и раньше ласкал мою киску, но совсем не так, как сейчас. Сейчас он будто хотел съесть, растерзать меня. Было больно, и при этом было невероятно приятно.

Мои стоны становились громче, а потом его язык проник внутрь меня. Он стал двигать им - напряжённо, ритмично.

Это было похоже на взрыв. Два рта одновременно ласкали меня — один терзал груди, другой выписывал круги на самой чувствительной точке моего тела. Я кончила с восторженным воплем, мое тело тряслось в сладкой судороге, но мне не дали передохнуть от оргазма.

Пальцы Артема снова скользнули внутрь меня, но теперь к ним присоединились и пальцы Кирилла. Они оба исследовали меня, растягивали, наполняли. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Это было слишком много и в то же время убийственно мало. Я стонала, вскрикивала, подавалась бедрами навстречу их ласкам, умоляя о большем. Я снова горела в огне, который они же и разжигали.

— Пожалуйста — хрипела я, не узнавая собственный голос. — Кто-нибудь Я больше не могу Я хочу

— Кого из нас ты хочешь? — спросил Артем.

— Вас обоих, — не задумываясь ответила я, не глядя на жениха.

— Подожди, Лера, — проговорил он, — Я хочу, чтобы ты отсосала ему.

Кирилл сказал это тихо, но твердо. Его лицо, блестящее от моих соков, было прямо подо мной. Он смотрел на меня снизу вверх, взгляд его был темный и неузнаваемый.

— Я хочу посмотреть, как ты будешь сосать ему, — повторил он.

Приказ собственного жениха добил меня окончательно. Артем усмехнулся, выпрямляясь. Его руки легли на пряжку ремня.

— Дама слышала пожелание, — промурлыкал он.

Медленно он освободил свою плоть. Его член был большой, возбужденный, с багровой, блестящей от смазки головкой. Я сглотнула. Мой рот наполнился слюной. Кирилл поднялся и встал за моей спиной, обхватывая мою грудь руками, сжимая ее так, как я любила.

— Сделай это, Лера. Для меня, — прошептал он мне на ухо, легонько прикусывая мочку. — Я хочу на это смотреть.

Я опустилась на колени перед Артемом. Мои глаза оказались на уровне его паха. Я чувствовала идущий от него жар и запах — мускусный, мужской, сводящий с ума. Взяв его член в руку, я провела языком по всей длине, от основания до головки. Артем глухо застонал, запрокидывая голову и ударяясь затылком о зеркальную стену.

— Черт да, вот так — рычал он, пока я обводила языком головку, пробовала на вкус, втягивала в рот. — Она невероятна. Где ты нашел такую?

Я начала двигать головой, захватывая его член все глубже, и чувствовала, как Кирилл сзади ласкает мои ягодицы, разводит их, и вот уже его язык касается моего ануса. Я замычала от

наслаждения, не выпуская плоти Артема изо рта. Вибрация заставила того выругаться сквозь зубы.

— Я сейчас кончу, если ты не остановишься, — предупредил он, сжимая мои волосы в кулак. — А у нас еще большие планы.

Он мягко отстранил меня. Кирилл помог мне встать, разворачивая к себе. Его глаза были совершенно безумными.

— Я хочу тебя сейчас, — сказал он, и в его голосе звучала мольба. — Прямо сейчас.

— Тогда возьми, — улыбнулась я.

Он подхватил меня под ягодицы, и я обхватила его талию ногами. Он прижал меня спиной к холодному зеркалу и одним мощным, резким толчком вошел в меня. Мы оба застонали. Это было возвращением домой, но дом был объят пожаром.

Я не узнавала своего жениха. Наш секс никогда не был таким потрясающим. Он двигался во мне сильно, глубоко, с какой-то новой, отчаянной страстью. Я царапала его спину через джемпер, прижималась к нему, пытаюсь впустить его еще глубже, стать с ним единым целым. Это было потрясающе!

В этот момент я увидела Артема. Он по-прежнему, стоял очень близко, прямо за моей спиной.

— Не останавливайся, — приказал он Кириллу. — Трахай ее. Она хочет больше.

И с этими словами его пальцы, влажные и скользкие от смазки коснулись меня сзади — там, где недавно был язык Кирилла. Осторожно, но настойчиво он начал проникать в меня пальцем вторым путем. Я закричала, выгнувшись дугой. Ощущение двойного проникновения, когда Кирилл был внутри меня, а палец Артема — в моей попке, было за гранью реальности. Я была полностью заполнена ими обоими.

— Очуметь, она такая узкая, — прошептал Артем, добавляя второй палец и растягивая меня изнутри. — Ты когда-нибудь трахал ее так?

— Нет, — простонал Кирилл, не сбавляя темпа. Его мощные толчки вбивали меня в зеркало. — Она не давала.

— Теперь даст, — уверенно пообещал Артем. — Нам обоим.

Он убрал пальцы, и через секунду я почувствовала, как в меня упирается что-то гораздо большее и горячее. Артем смазал себя, и его головка начала медленно, неумолимо проникать в мое тело сзади.

— Расслабься, Лера, — прошептал он мне на ухо, его голос стал удивительно нежным. — Мы не сделаем тебе больно. Просто дыши.

Я сделала глубокий вдох. Кирилл замер внутри меня, давая мне привыкнуть. Артем продвигался медленно, сантиметр за сантиметром, и когда он наконец вошел до конца, мы все втроем застыли, как единое целое. Чувство наполненности было абсолютным, ошеломляющим. Двое мужчин внутри меня. Мой жених и его друг. Это была вершина порочности. И абсолютного, дикого, первобытного восторга.

Потом они начали двигаться. Сначала медленно, вразнобой, но очень быстро нашли общий ритм. Когда один входил, другой выходил, создавая непрекращающуюся волну удовольствия, которая накатывала на меня, смывая остатки разума. Зеркало в лифте запотело. Хриплое дыхание, стоны, мои крики, звуки наших тел — все это слилось в дикую, первобытную музыку. Я видела наше отражение в зеркальной стене лифта — сплетение тел, темная голова Артема, светлая — Кирилла, я между ними, с разметавшимися по плечам и спине волосами, с запрокинутой головой, с открытым ртом.

— Я люблю тебя, Лера — прохрипел Кирилл, делая особенно глубокий толчок.

— Покажи ей, Кир, — рычал Артем, ускоряя темп. — Покажи, как сильно ты ее любишь. Трахай ее так, чтобы она это почувствовала.

И он показал. Они оба показали. Я чувствовала приближение оргазма, самого мощного в моей жизни. Он зарождался где-то в пальцах ног, поднимался по позвоночнику, скручивая все мое тело в тугую, дрожащую спираль.

— Я сейчас я сейчас кончу — закричала я, и этот крик был сорванным, отчаянным.

— Давай, детка, — скомандовал Артем.

И мир взорвался. Меня накрыла волна такого ослепительного, всепоглощающего экстаза, что я на мгновение потеряла зрение и слух. Я будто разорвалась на мелкие части. Сознание на миг оставило меня. Мое тело конвульсивно сжималось вокруг их плоти, и эти спазмы стали последней каплей. Кирилл взревел, изливаясь в меня горячим, пульсирующим потоком. И в ту же секунду Артем, сделав еще два резких толчка, тоже достиг пика, наполняя меня своей влажной, обжигающей спермой.

Это был самый дикий, самый необузданный секс в моей жизни

Мы все втроем рухнули на пол лифта - дрожащие, потные, обессиленные. В кабине стоял тяжелый, пряный запах секса и мужского пота. Несколько минут никто не мог произнести ни слова. Мы просто дышали. Я лежала, придавленная двумя мужскими телами, чувствуя, как их семя медленно вытекает из меня, и не могла поверить, что это произошло со мной на самом деле.

Я любила Кирилла. Но в эту секунду я любила и Артема, который подарил мне эти мгновения и этот опыт.

Внезапно лифт дернулся. Лампы аварийного освещения мигнули, и зажегся полный свет. Кабина мягко загудела и плавно поехала вверх. Мы в панике вскочили, натыкаясь друг на друга и стали торопливо одеваться. Наверное, со стороны это выглядело весьма комично: я, голая, прикрываю грудь скомканным платьем. Кирилл, натягивает джинсы задом наперед. Артем пытается найти пуговицы от рубашки, которые сам же и оторвал в порыве страсти.

Когда, наконец, двери лифта открылись, мы вышли в холл друг за другом, стараясь выглядеть, как ни в чем не бывало. Нас встретил администратор бизнес-центра. Он удивленно оглядел нас с ног до головы.

— Прошу прощения за доставленные неудобства! — смущенно проговорил он. — Аварийное отключение электричества, лифт заблокировало. Вы в порядке? Вы пробывали там больше двух часов! Может быть, нужна медицинская помощь? Я могу вызвать скорую.

— Не надо скорую, у нас все хорошо. Мы мы в полном порядке, — спокойно ответил Артем, поправляя воротник рубашки, — Мы прекрасно провели время.

Администратор уставился на меня огромными, круглыми глазами, и я покраснела до корней волос.

Кирилл, заметив мое смущение, взял меня за руку, и мы пошли по коридору, держась за руки, хотя, честно говоря, в тот момент я уже не была уверена в том, что свадьба состоится.

И все же, несмотря на все случившееся, мы с Кириллом поженились. Это была красивая свадебная церемония. Артем, как и планировалось, был свидетелем со стороны жениха. Когда во время церемонии наши взгляды встречались — мой, Кирилла и Артема, — мы обменивались улыбками, которые скрывали общий секрет.

После свадьбы наша интимная жизнь с Кириллом изменилась до неузнаваемости. «Пресный секс», которого он так боялся, остался в прошлом. Мы больше никогда не застревали в лифтах. Но каждый раз, входя в тесное, замкнутое пространство, мы переглядывались, и в воздухе вспыхивали искры того самого воспоминания.

Артема мы с тех пор видели не часто - он вернулся за границу, где жил и работал. Кирилл продолжал общаться с ним по интернету, как со своим лучшим другом. Я не была против. Ведь именно Артем изменил нашу идеальную пару, сделав ее не идеальной, но очень страстной.

Вот так одно случайное событие может изменить скучный ход идеальной жизни.

А один смелый эксперимент может перевернуть привычный мир с ног на голову и сделать его тем самым только лучше.

История 3. Встреча выпускников

Десять лет прошло после нашего школьного выпускного. Целая вечность, уместившаяся в один миг.

Я стоял у барной стойки в банкетном зале ресторана, где на встречу выпускников собрались почти все мои бывшие одноклассники. Собрались, чтобы похвастаться своими достижениями. Если честно, мне было глубоко насрать, кто там кем стал, кто из парней заработал больше бабок и кто из девчонок удачнее всего выскочил замуж. Мне похвастаться было нечем - после школы я успел отсидеть два года и теперь работал грузчиком на базе стройматериалов. Не то, чтобы я завидовал чужим успехам, просто мне было безразлично. Я сюда пришел ради одного-единственного человека.

Держа в руке бокал с виски, я смотрел на неё.

Настя. Моя школьная любовь, моя сладкая, незабываемая девочка, из-за которой я не спал ночами в одиннадцатом классе. Она тоже стала другой — слишком роскошной для такого парня, как я. Но все же осталось в ней и то, что сводило меня с ума. Та же густая волна каштановых волос, те же пухлые, словно созданные для поцелуев губы. Жаль только, что некогда грустный и наивный взгляд стал хитрым и уверенным.

Чёрное платье облегло её фигуру, как вторая кожа. Оно было достаточно коротким, чтобы демонстрировать безупречные стройные ноги, и достаточно откровенным в вырезе, чтобы при каждом вдохе была видна ложбинка между грудей.

Ох, Настя, зачем ты так вырядилась? Чтобы окончательно добить меня?

Она была великолепна. И я бы уже давно к ней подошел, вот только было одно НО. Рядом с ней стоял муж. Я знал это, потому что видел их фото в соцсетях, когда ее страничка случайно попала в рекомендации. Как по мне - типичный “папик”. Высокий, жирный, с лоснящейся рожей, в дорогом костюме, с довольной улыбкой сытого кота. Он держал руку на её талии, хозяйски прижимая к себе. И от этого жеста у меня сводило скулы.

— Андрюха, ты чего застыл? Пойдем покурим? — кто-то из бывших одноклассников хлопнул меня по плечу, но я даже не обернулся, только прищурился, словно хищник.

— Не курю, — ответил я, не глядя.

В этот момент она меня заметила. Ну наконец-то. Её глаза, цвета тёмного шоколада, удивленно расширились. Она узнала меня мгновенно. Интересно, что почувствовала? Хоть что-то внутри у нее дрогнуло при виде моей физиономии? Ни за что не поверю, что этот толстый упырь рядом с ней вызывает у нее какие-то чувства! Продалась, Настюша, просто хорошо продалась.

Её красивые губы чуть приоткрылись, словно она хотела что-то сказать, но передумала. Мы просто стояли и смотрели друг на друга через весь этот шумный, пропитанный запахом алкоголя и духов зал, и между нами словно натягивалась струна. Тугая, вибрирующая, готовая лопнуть в любую секунду.

Готов поклясться - она все помнила.

Потому что я помнил всё. Помнил вкус её поцелуев украдкой в школьном спортзале. Помнил ванильный запах ее духов. Помнил, как дрожало ее упругое тело, когда я впервые залез ей под блузку. Помнил её тихие, сдавленные стоны, когда мы прятались на последнем ряду в кинотеатре. Мы тогда так и не дошли до конца. Она была правильной девочкой, а я был терпеливым дураком. Сейчас мы оба уже не дети. Но мы оба помним то, что нас связывало. Это была любовь. Первая любовь.

Я поднял бокал в немом приветствии. Она чуть заметно улыбнулась и кивнула, тут же отвернувшись к мужу. Но я видел, как заалели её щёки. Видел, как она поправила волосы.

Этот ее жест будто связал два времени - прошлое и настоящее. Струна между нами натянулась ещё сильнее

Мне хотелось подойти к ней, поговорить, но не мог. Она уже давно перестала быть “моей Настей”, теперь она чужая жена. И - вот черт - эта мысль меня страшно возбуждала.

Вечер тянулся бесконечно. Пьяные разговоры, тосты за «родную школу», фальшивые улыбки. Я почти не слушал. Я следил за ней. Каждое её движение, каждый взмах ресниц, каждый глоток шампанского, который она делала, касаясь губами края бокала. Её муж что-то увлечённо рассказывал компании, а она сидела рядом, вежливо улыбаясь, но её мысли были где-то далеко. Или, наоборот, слишком близко. Я видел, как она ёрзает на стуле, как скрещивает ноги, словно пытается унять какое-то внутреннее беспокойство.

В какой-то момент наши взгляды снова встретились. Я не отвёл глаз. Я смотрел на неё и откровенно, без тени смущения, представлял, что бы я с ней сделал, если бы мы оказались наедине. Я хотел, чтобы она прочитала всё по моим глазам.

И она прочитала.

Её дыхание участилось, она прикусила нижнюю губу. Ту самую, которую я так любил целовать. А потом она резко встала и, шепнув что-то мужу, направилась в сторону туалетных комнат.

Моё сердце грохнуло так, что заглушило музыку. Я выждал ровно минуту, чтобы это не выглядело слишком очевидным, и пошёл за ней. Ноги сами несли меня по коридору, подальше от шума застолья. Я завернул за угол и увидел её. Она стояла у входа в дамскую комнату, прислонившись спиной к стене, и ждала. Меня.

— Привет, — сказал я, подходя почти вплотную. Мой голос прозвучал хрипло, как после долгого молчания.

— Привет, — выдохнула она.

И это было всё, что нам было нужно. Никаких «как дела», «как жизнь». Мы обрушились друг на друга, как два оголодавших зверя. Я прижал её к стене всем телом, и впился в её губы. Это был не поцелуй. Это была дикая, необузданная жажда. Её язык, нежный и горячий, тут же скользнул мне в рот. Она целовала меня с такой отчаянной, бесстыдной страстью, что у меня на секунду помутилось в глазах.

— Сюда, — прохрипел я, хватая её за локоть и буквально вталкивая в дверь мужского туалета.

К счастью, кабинка была пуста. Мы ввалились внутрь, и я запер дверь. Свет был тусклый, лампочка жужжала под потолком, пахло хлоркой и освежителем воздуха, но мне было плевать. Передо мной стояла она, моя Настя, и её глаза горели тем же безумием, что и мои.

Я снова набросился на неё, прижимая к стене кабинки. Мои руки скользнули вниз, сжали её ягодицы через тонкую ткань платья. Она застонала мне в губы, прогибаясь в спине и подаваясь бёдрами вперёд, прямо мне в пах. Мой член уже стоял колом, упираясь в ширинку и причиняя почти физическую боль.

— Я так скучал по тебе, Настя, — прошептал я, покрывая поцелуями её шею, вдыхая пьянящий аромат её, по-прежнему, ванильно-сладких духов и разгорячённого тела. — Ты даже не представляешь.

— Представляю, — простонала она, запуская пальцы в мои волосы и оттягивая голову назад. — Потому что я тоже. Каждый день. Десять лет, Андрей. Десять чёртовых лет.

Её слова были как спусковой крючок. Я рванул вниз её платье, обнажая грудь. Никакого лифчика на ней не было. Мне открылись два идеальных, упругих полушария с тёмными, затвердевшими от возбуждения сосками. Я застонал, как раненый зверь, и припал к одному из них ртом. Я сосал его жадно, пошло, втягивая в рот всё глубже, обводя языком, прикусывая зубами. Настя шумно дышала, выгибаясь мне навстречу. Её ногти впились в мои плечи.

— Да, Андрей вот так сильнее, — шипела она, тяжело дыша. Её рука скользнула вниз и легла на мою ширинку, поглаживая через ткань мой каменный член. От этого прикосновения я чуть не кончил прямо в штаны. — Боже, какой ты твёрдый. Дай мне его. Я хочу его видеть.

Она расстегнула молнию и нетерпеливо стянула мои брюки вместе с боксерами. Мой член, возбуждённый, с набухшими венами и блестящей головкой, вырвался на свободу. Настя облизнула губы, глядя на него с голодным, откровенным вождением. Темные глаза сверкали похотью. Такой я ее не видел и не знал. Но такой она мне еще сильнее нравилась! Все мужики любят распутных.

Настя опустила на колени. Прямо на холодный кафельный пол туалета, передо мной. В этом жесте было столько покорности и одновременно власти надо мной, что у меня перехватило дыхание.

Она взяла мой член в руку, сжала его, и из её рта вырвался гортанный стон.

— Какой он огромный! — прошептала она, и её горячее дыхание обожгло кожу.

Она провела языком от самого основания до головки, медленно, смакуя, словно пробуя на вкус дорогое вино. Потом обвела головку по кругу, собирая капельки выступившей смазки. Я упёрся руками в стену, чтобы не упасть. Её рот был горячим, влажным, и когда она наконец взяла меня полностью, я зарычал. Она сосала с таким мастерством, с такой самозабвенной похотью, что мои колени дрожали. Головка упиралась ей в небо, она глотала его всё глубже, помогая себе рукой. Тихие, чавкающие звуки возбуждали меня до невозможности.

— Блять, Настя Что ты делаешь? Я сейчас кончу, если ты не остановишься — простонал я, чувствуя, как в паху закипает тугое, горячее напряжение. — А я хочу тебя трахнуть. По-настоящему.

Она выпустила мой член изо рта с влажным хлопком. Её губы припухли, глаза блестели.

— Так трахни, — сказала она, поднимаясь. — Сделай это. Я хочу, чтобы ты выебал меня так, как не ебал никто.

Наверное, она хотела сказать “муж”. Сложно представить, как можно нормально выебать бабу, если у тебя такое пузо

Ну что ж, крошка, ты сама попросила.

Я развернул её спиной к себе и грубо нагнул над унитазом. Она упёрлась руками в бачок, прогибаясь в пояснице и подставляя свою идеальную, круглую попку. Я задрал ее платье вверх до самой талии. Под ним оказались крошечные чёрные стринги - верёвочка, которая ничего не скрывала. Я сдёрнул их одним движением.

— Смотри на меня, — приказал я, кивая на зеркало над раковиной, которое было как раз напротив нас.

Она подняла голову и встретилась со мной взглядом в отражении. Я раздвинул её ягодицы и застонал. Её киска была гладко выбритой, нежной, и она просто истекала. Влага текла по внутренней стороне бёдер, вся её промежность блестела в тусклом свете лампы.

— Господи, ты промокла насквозь, — прохрипел я. — Ты вся течёшь. И всё это для меня?

— Всё для тебя, — ответила она, глядя на меня в зеркало. — Я вся твоя. Трахни меня, не могу больше ждать.

Что случилось с моей хорошей девочкой?

Я приставил головку к её влажной дырочке и резко, одним мощным толчком вошёл на всю длину. Настя закричала. Громко, бесстыдно. Услышат? Да похуй. Нам сейчас ни до кого из собравшихся в зале дела не было. Были только мы с ней и наше долгожданное соединение.

Я начал двигаться. Её внутренние мышцы туго обхватили мой член, сжимая его со всех сторон. Она была узкая, горячая, влажная - просто идеальная.

Я снова чуть не кончил, замедлился, едва сдерживаясь. А потом снова с силой вошел в нее.

— Да-а-а, — простонала она, подаваясь бёдрами назад, чтобы я вошёл ещё глубже. — Ещё! Трахай меня, Андрей! Сильнее! Из всех сил, прошу

Я начал двигаться, держа ее за талию. Быстро, жёстко, именно так, как мечтал иметь ее когда-то. Каждый толчок был полон дикой, животной страсти. Я вбивался в неё, как поршень, вколачивая член до самого основания.

Звуки наших тел — шлепки моей плоти о её упругие ягодицы, её крики, запах ее духов и моего пота — наполняли маленькую кабинку. Я смотрел в зеркало, не мог взгляда отвести от моей горячей девочки с голой киской. Я видел, как она извивается подо мной, как трясутся её груди, как рот приоткрылся в экстазе, помада размазалась, припухшие губы пересохли, и она то и дело эротично облизывает их языком. Это было самое пошлое, самое эротичное и самое потрясающее зрелище в моей жизни.

Дикий секс в туалете на встрече выпускников. Никогда бы не подумал, что со мной может случиться такое.

— Ты любишь вот так, да? — рычал я, наматывая её волосы на кулак и слегка оттягивая голову назад. — Любишь, когда тебя жёстко трахают, пока твой муж ничего не подозревает?

— Да! Да! Я шлюха! — прокричала она, теряя остатки разума. — Твоя шлюха, Андрей! Трахай меня! Не останавливайся!

— Давно ли моя хорошая девочка превратилась в шлюху?

— С тех пор, как вышла замуж, — выдохнула она, — муж совсем импотент! А я здоровая, молодая. Мне, блядь, хочется, чтобы меня ебали каждый день и не по разу.

— Разводись с ним, Настя. Выходи за меня. Я тебя затрахую.

Я провел языком по ее шее, слизывая соленые капельки пота.

— Ну уж нет. Не хочу быть женой грузчика.

Вот это было обидно! Значит, трахаться с грузчиком можно, а быть женой грузчика — нельзя.

Дура, блядь. Ну я тебе покажу.

Я сильно дернул ее за волосы, вторая моя рука скользнула вниз, я погладил пальцами ее гладкую киску, раздвинул половые губы и нащупал припухший клитор. Ласково помассировав его, я вдруг резко шлепнул ее киску ладонью. Потом ещё и еще.

Настя снова закричала.

— Больно же!

Я вынул член полностью и снова вошёл, но на этот раз — в другую дырочку. В её тугую, узкую попку. Я нарочно сделал это с силой, так резко, как мог. Мне хотелось сделать ей больно. Я двигался в ее тугой попке яростно и безжалостно. Она дергалась, кричала.

— Ну как? Нравится тебе так? Сука продажная — глухо прорычал я.

— Еще Еще — рыдала она.

Ощущение было непередаваемым. Её анус сжимал меня так сильно, что я видел звёзды перед глазами. Я трахал её, моя рука снова скользнула вперёд и нашла её клитор. Я начал тереть его жёсткими, круговыми движениями, и уже через минуту Настя забилась в оргазме прямо у меня в руках.

— Кончаю! Да! Да! Да! — закричала она во весь голос, и эхо её крика разнеслось под сводами туалета.

Её тело содрогалось в конвульсиях, горячая влага брызнула на мои пальцы, на пол.

Этого я выдержать уже не мог. От её крика, от того, как бешено пульсировали её мышцы вокруг моего напряжённого члена, я взорвался. Мощный, мучительно-сладкий долгий оргазм скрутил всё моё тело. Я излился в неё, заливая её попку горячей, густой спермой, делая последние глубокие, рваные толчки. Я рычал, вжимаясь лицом в её волосы, и мир на несколько секунд перестал существовать.

Я на несколько мгновений забыл кто я и где нахожусь. Наверное, о таком сексе я мечтал всю свою жизнь

Мы замерли. Единственным звуком было наше прерывистое, тяжелое дыхание. Я медленно вышел из неё и обессиленно прислонился к стене кабинки. Настя выпрямилась, натягивая на себя платье дрожащими руками.

Мы не смотрели друг на друга, молча приводя себя в порядок. Я заправился, провел рукой по волосам, она поправила причёску и макияж, как смогла. И всё это в тишине, нарушаемой только нашим дыханием. Адреналин схлынул, оставляя после себя звенящую пустоту и разочарование?

Я посмотрел на неё. На её изящные пальцы, скользкие по волосам, на то, как она одёргивает платье. Запах нашего секса всё ещё витал в воздухе.

— Ты красотка, хоть и сильно изменилась, — сказал я, чтобы нарушить эту натянутую тишину.

Она повернулась ко мне. В её глазах читалась целая гамма чувств — удовлетворение, грусть, благодарность и что-то похожее на прощание.

— Спасибо, Андрей, — прошептала она. — Может, увидимся еще?

— Нет, — ответил я.

— Почему? — удивленно спросила она.

Привстав на цыпочки, она поцеловала меня в губы. Моя сладкая девочка, превратившаяся в продажную шлюшку.

— Я грузчик, Настя. И хоть у меня нет денег, зато, в отличие от тебя, есть гордость. Так что иди ты на хуй.

Она округлила глаза, открыла от изумления рот, а потом залепила мне звонкую пощечину и выбежала из кабинки туалета, хлопнув дверью.

Я не пошел следом за ней. Выждал несколько минут, глядя на своё отражение в зеркале и только потом вышел.

Когда я вернулся в зал, картина была прежней. Шумели одноклассники, играла ретро-музыка, пахло алкоголем. За нашим столом всё было как прежде. Настя сидела рядом с мужем. Он что-то рассказывал ей, жестикулируя, и она заливисто смеялась. Его рука по-хозяйски лежала на ее стройной ноге. Знал бы он, что я только что вытворил с его красавицей женой. На ней еще не высохла моя сперма.

Сама Настя выглядела абсолютно счастливой, расслабленной и беззаботной. Как ни в чём не бывало. Словно не она только что извивалась подо мной в грязной кабинке туалета с криками «Трахай меня сильнее».

Я встал у бара, взял бокал с виски и сделал большой глоток. Кто-то из парней предложил тост «за любовь». Я поднял бокал вместе со всеми, краем глаза наблюдая за ней. Наши взгляды встретились снова всего на долю секунды. Но на этот раз огонь между нами не вспыхнул. Первая любовь завершилась именно в этот самый момент.

И в эту секунду я понял две вещи. Во-первых, через пару часов вечер закончится, все разъедутся по домам, и я больше никогда не буду тем дураком, который страдает по женщине, которая ему не принадлежит. Она сделала свой выбор десять лет назад, и сегодняшний секс в туалете ничего не изменил - она никогда не выберет меня, как бы жестко я ее не ебал.

И во-вторых, я все равно до конца жизни буду помнить вкус её губ, упругость её груди и то, как она текла и кричала от наслаждения. Пусть это будет всего лишь воспоминание. Жаркое, грязное, порочное. Но это будет самое лучшее воспоминание, которое только можно представить.

Закрытые геишталты не всегда приносят удовлетворение. Странно, но это факт. Ведь очень часто бывает так, что что-то сильно желанное в итоге разочаровывает.

Но если это разочарование сопровождается умопомрачительным сексом, то почему бы и нет?

История 4. Наглый студент

Анна Сергеевна Воронцова, тридцатидвухлетний доцент кафедры культурологии, ненавидела свою работу ровно в те моменты, когда в дверь аудитории входил Игорь Князев. Он был ее личным проклятием на протяжении последних четырех месяцев. Двадцатидвухлетний студент четвертого курса, который, казалось, приходит на лекции исключительно ради того, чтобы вывести ее из равновесия. И у него это блестяще получалось.

Он никогда не хамил открыто. Напротив, он был неизменно вежлив и обходителен. Но его взгляды Боже, эти взгляды. В них читалось такое откровенное, голодное желание, что у Анны Сергеевны каждый раз пересыхало во рту. Он смотрел на нее не как на преподавателя, а как на женщину, которую он уже раздел, уложил в постель и имеет самыми разными способами.

Он сидел на задней парте, чуть развалившись, уверенный в себе, как молодой хищник, и его темные глаза следили за каждым ее движением. За тем, как она поправляет очки в тонкой оправе, как одергивает строгую, но подчеркивающую фигуру юбку-карандаш, как ее грудь вздымается под шелковой блузкой во время особенно эмоциональной части лекции.

Анна Сергеевна была замужем. Десять лет брака. Десять лет серых, однообразных будней с мужчиной, который давно не смотрел на нее так, как смотрит этот наглый мальчишка. Муж, успешный юрист, проводил больше времени на работе, чем с ней, а когда они оставались вдвоем, их общение сводилось к обсуждению счетов и совместных планов, которые никогда не сбывались.

Секс? Он был в их семье. Формально. Раз в месяц, словно по расписанию, всегда в одной и той же миссионерской позе, длительностью ровно столько, сколько требовалось мужу, чтобы кончить. Чувства жены, как правило, не учитывались. Анна Сергеевна, наигранно вздыхая под телом мужа, уже и забыла, что такое оргазм с мужчиной. Она получала необходимую здоровой женщине разрядку лишь наедине с собой, с вибратором, спрятанным на самой верхней полке, куда муж никогда не заглядывал. Но это было не то.

Жизнь становится пресной, если в ней нет секса. Может, поэтому Анну Сергеевну возбуждал один лишь взгляд наглого и самоуверенного студентика? Не просто возбуждал! Ее трусики тут же становились мокрыми.

В тот учебный день ничего не предвещало беды. Анна Сергеевна была на работе. Последняя лекция закончилась, студенты шумно покинули аудиторию, а Анна Сергеевна задержалась, чтобы разложить бумаги, которые она случайно уронила в начале занятия.

Солнце клонилось к закату, заливая пустую аудиторию медовым светом. Было тихо. Только тикали настенные часы да шелестели страницы под ее дрожащими пальцами. Она слышала, как хлопнула входная дверь, и подумала, что, кто-то из ребят что-то забыл в аудитории. Но когда она подняла глаза, он стоял прямо перед ней.

Наглый студент с красивыми, чувственными губами и пошлым взглядом - Игорь. В неизменных потертых джинсах, свободной футболке с логотипом какой-то рок-группы. Его темные волосы были слегка взъерошены. Он стоял слишком близко. Нарушая все границы личного пространства, студенческой этики и просто здравого смысла.

Анна Сергеевна почувствовала его горячий, терпкий запах - запах самца, готового наброситься на самку. По телу прошла волна возбуждения.

— Вы сегодня замечательно выглядите, Анна Сергеевна, — произнес он низким, с легкой хрипотцой голосом. — Это платье вам очень идет. Хотя, признаюсь, та блузка, что была на вас во вторник, нравилась мне больше. Она такая полупрозрачная. Особенно когда свет падает.

Она напряглась, замерла. Ее сердце пропустило удар, а потом забило в горле.

— Князев, — строго сказала она, пытаясь вернуть себе преподавательский тон, но голос предательски дрогнул. — Что вы себе позволяете? Это неуместно. Что вы здесь делаете? Лекция окончена, вы можете идти.

— А я не хочу никуда идти, — сказал он просто и сделал еще шаг к ней.

О боже Анну Сергеевну бросило в холодный пот от этой волнующей близости.

Теперь их разделяло не больше метра. Она вдыхала его запах — не приторный парфюм, а запах молодого, здорового мужского тела, с нотками цитрусового геля для душа. От него веяло жаром, и этот жар парализовал ее волю.

— Анна Сергеевна, разве вы не видите? Я весь семестр ждал, — продолжал он, не сводя с нее глаз. — Ждал, когда вы перестанете прятаться за своими очками и учебниками. Вы же видите, что я вас хочу.

Анна Сергеевна судорожно сглотнула и покраснела.

— Князев! — резко воскликнула она, — Ты что - пьян?

— Я не пью, я же спортсмен, — откликнулся парень, сверля ее пронзительным взглядом.

Да уж, по его накачанному телу это видно. Анна Сергеевна невольно скользнула взглядом по крепким мускулам. Он это заметил и нагло ухмыльнулся.

— И я знаю, что вы тоже меня хотите. Я вижу, как у вас твердеют соски, когда я вхожу в аудиторию. Вижу, как вы сжимаете бедра под столом, пытаясь унять дрожь. Вижу, как вы краснеете. Я чувствую, как вы течете, Анна Сергеевна. Истекаете сладким соком. Неужели вам не надоело играть в эти игры?

Твердеют соски Сладкие соки Да что он несет? Что это за наглость такая?

Анна Сергеевна размахнулась и залепила ему пощечину - тяжелую и звонкую. Он заслужил! Но парень схватил ее за руку, поднес ее к своему рту и взял в рот кончики пальцев.

Анну Сергеевну затрясло крупной дрожью. Во рту у него было горячо и влажно. Он играл с ее пальцами языком, это было пошло, но слишком приятно. Она не могла убрать руку.

— Вы вы не имеете права, — прошептала она таким тоном, будто сейчас расплечется.

Надо было бежать отсюда, но ее ноги словно приросли к полу. Она должна была вклеить этому наглецу еще одну пощечину, оттолкнуть его, уйти, закричать - сделать хоть что-нибудь. Но она не могла. Потому что он был прав. Каждое его слово было обжигающей правдой. Она хотела его, изнывала от страстного желания.

— Вы не имеете права — повторила она, облизывая пересохшие губы.

— Имею, — твердо сказал он. — Я имею право взять то, чего мы оба хотим.

И он поцеловал ее. Это не был робкий поцелуй студента, боящегося гнева преподавателя. Это был властный, наглый, собственнический поцелуй мужчины, который знает, чего хочет.

Его горячие губы впились в ее рот, раздвигая их, и его язык, упругий и настойчивый, скользнул внутрь, пробуя ее на вкус. Одна его рука легла на ее затылок, фиксируя голову, не давая вырваться. Вторая скользнула вниз по спине и легла на ягодицу, сжимая ее так, что Анна Сергеевна застонала ему в губы.

Она ответила. Стыд, страх, ее брак — все рухнуло в пропасть. Ее собственный язык робко, а затем все смелее начал отвечать на его ласки. Она вцепилась руками в его плечи, ощущая под тонкой тканью футболки твердые, рельефные мускулы. Она так давно мечтала потрогать их!

— Вот так, умница, — прошептал он, отрываясь от ее губ и начиная покрывать поцелуями ее шею. Его губы обжигали, оставляя влажную дорожку. — Сдайтесь мне, Анна Сергеевна. Я не сделаю вам больно. Я хочу только доставить вам удовольствие. Невероятное удовольствие.

— Игорь Нас могут увидеть — пролепетала она, извиваясь в его объятиях.

— Плевать, — выдохнул он, и его руки начали расстегивать пуговицы на ее блузке. — Вы так долго прятали это тело. Я мечтал увидеть его с первой минуты.

Блузка упала на пол. За ней последовал кружевной бюстгальтер. Анна Сергеевна стояла перед ним, обнаженная до пояса, чувствуя себя абсолютно незащищенной и в то же время невероятно желанной. Он отступил на шаг, чтобы полюбоваться.

— Черт — выдохнул он, и в его глазах вспыхнул настоящий огонь. — Вы совершенны. Ваша грудь она идеальна. Я столько раз представлял ее.

Он наклонился и взял в рот ее набухший сосок. Она вскрикнула, хватаясь за его волосы. Его язык обвел затвердевшую горошину по кругу, потом втянул ее в рот, начал посасывать. Одна рука ласкала вторую грудь, перекатывая между пальцами тугую вершинку. Ощущения были такими острыми, что у нее подкосились колени.

— Садитесь на стол, — приказал он хрипло.

Она послушалась, как загипнотизированная. Он подтолкнул ее к преподавательскому столу. Она села, и он опустился перед ней на колени. Его руки скользнули по ее ногам, от коленей вверх, к бедрам. Он задрал ее юбку до талии, открывая вид на тонкие чулки и черные кружевные трусики. Она инстинктивно попыталась сдвинуть ноги, но он жестко развел их в стороны.

— Не смейте закрываться, — прорычал он. — Я хочу видеть всю вас.

Он провел пальцами по кружеву, ощупывая мокрую промежность. Прикосновение его пальцев сквозь тонкую ткань заставило Анну Сергеевну застонать.

Игорь стянул с нее трусики, и они мокрой тряпочкой упали на пол. Его пальцы скользнули в ее горячую, истекающую соками плоть. Она застонала, откидывая голову назад. Он начал двигать ими, медленно, изучающе, находя внутри нее самые чувствительные точки. А потом его рот накрыл ее клитор.

Мир взорвался. Никто никогда не делал ей кунилингус. Муж считал это извращением. Оказывается, это так приятно! Перед Анной Сергеевной будто раскинулось звездное небо. Этот дерзкий мальчишка вытворял языком такое, что она готова была рыдать от наслаждения. Он облизывал ее, посасывал, его пальцы внутри нее ускоряли темп, а он смотрел на нее снизу вверх, наблюдая, как она теряет рассудок, растворяется в своем личном космосе.

— Ты сейчас кончишь, — сказал он, на секунду отрываясь. — Кончай мне в рот. Я хочу выпить тебя всю.

От этих слов по телу Анны Сергеевны пошли горячие, мощные волны. И она кончила. Мощный оргазм пронзил ее тело, скручивая внутренности в сладкой судороге, сок брызнул струей из ее вагины, и Игорь зарычал от страсти. Она закричала, вцепляясь в его плечи, и ее тело конвульсивно сжалось вокруг его пальцев. Он продолжал ласкать ее языком, продлевая удовольствие, пока она, обессиленная и дрожащая, не оттолкнула его.

— Боже — прошептала она. — Я никогда

— Это только начало, — он поднялся, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Теперь твоя очередь доставить удовольствие мне.

Он расстегнул джинсы и спустил их вместе с ярко-красными боксерами. Его член вырвался на свободу — большой, твердый, с набухшими венами и побагровевшей головкой. Анна Сергеевна слотнула. У мужа был вдвое меньше. Студент взял член в руку и провел горячей головкой по ее губам.

— Открой рот, — сказал он властно. — Для начала я хочу трахнуть твой красивый ротик.

Она послушно раздвинула губы, и он вошел. Твердая, горячая плоть заполнила ее рот, упираясь в горло. Она начала двигать головой, неумело, но старательно, обводя языком его ствол, втягивая щеки.

— Да, вот так Еще Глубже — простонал он, запрокидывая голову. — Я знал, что будет круто

Он трахал ее рот, постепенно ускоряясь, но в какой-то момент остановился и мягко отстранил ее.

— Я хочу тебя, — сказал он. — Всю. Повернись.

Она повернулась, опираясь руками о стол. Он задрал ее юбку выше, и его ладонь с легким шлепком опустилась на ее ягодицу. Она вздрогнула, но не от боли — от острого, порочного удовольствия.

Дверь аудитории теперь была перед ее глазами. В любую секунду кто-то мог войти сюда, но Анне Сергеевне вдруг стало наплевать, что студенты могут увидеть ее в таком виде - полуголую, изнывающую от страсти. Наоборот, это еще сильнее возбуждало ее.

— Сейчас я тебя трахну, как сучку, — прошептал Игорь, наклоняясь к ее уху. — И ты будешь кричать мое имя.

Одним резким, мощным толчком он вошел в нее. Анна Сергеевна закричала. Он заполнил ее до предела, растягивая, проникая так глубоко, как никто никогда не проникал.

Он начал двигаться — сильно, быстро, входя в нее так, что от его движений скрипел стол. Его рука сжимала ее талию, другая запуталась в волосах, слегка оттягивая голову назад. Звуки шлепков, их вздохи и стоны, скрип мебели — все слилось в симфонию дикой, животной страсти.

— Тебе нравится, да? — рычал он ей на ухо. — Нравится, когда тебя имеет твой студент? На твоём рабочем столе? Отвечай!

— Да! — кричала она, не узнавая собственный голос. — Да, Игорь! Да! Да! Да!

Он развернул ее к себе лицом и, не выходя из нее, усадил на стол. Ее ноги обхватили его талию, притягивая еще ближе. Он снова вошел в нее, но теперь их лица были рядом. Он целовал ее, жадно и глубоко, в то время как его член продолжал свою мощную атаку. Она смотрела ему в глаза, видела его расширенные зрачки, капельки пота на лбу, и чувствовала, как внутри нее снова нарастает сладкое напряжение.

— Вместе, — прохрипел он. — Кончим вместе. Скажи, когда будешь готова.

Он ускорил темп, его движения стали рваными, отчаянными.

— Кончаю — прохрипела Анна Сергеевна, чувствуя, что больше не может терпеть эту сладкую муку.

И когда его член начал пульсировать внутри нее, изливаясь горячей спермой, она тоже сорвалась в пропасть. Они кончили одновременно, с громкими, сдавленными криками, цепляясь друг за друга, как утопающие за соломинку.

Несколько минут они стояли, не шевелясь. Он все еще был в ней. Их тяжелое дыхание постепенно успокаивалось. Она уткнулась лицом в его плечо, чувствуя, как по щекам текут слезы. Слезы стыда, освобождения и непередаваемого счастья.

Он мягко вышел из нее, помог слезть со стола. Подал ей блузку, белье. Одевались они молча. Он поправил джинсы, она привела в порядок волосы.

— Анна Сергеевна, — начал он официальным тоном, и она вздрогнула, подняв на него глаза. В его взгляде больше не было наглости. Там была теплота и, может быть, капля грусти. — Спасибо за отличный семинар. Какую оценку вы мне поставите сегодня.

Она покраснела и ответила сдавленным голосом:

— Пять, Игорь. Конечно же, пять

Он улыбнулся своей невыносимой, дерзкой улыбкой и направился к двери. У самого выхода обернулся.

— И да. Я надеюсь, что это был не последний наш семинар.

Она пожалала плечами, смущенно улыбнулась. Он не стал больше задерживать ее и вышел из аудитории.

Дверь за ним закрылась. Анна Сергеевна осталась одна в опустевшей аудитории, где все еще пахло сексом и мелом. Она села в свое кресло, чувствуя, как между ног медленно вытекает его теплое семя. Клитор до сих пор пульсировал, и это было так необычно! Ее муж, ее брак, ее скучная жизнь — все это вдруг стало неважным.

Она знала, что то, что произошло, — неправильно. Аморально. Преступно. Но впервые за много лет она чувствовала себя живой, женщиной, а не просто механизмом для чтения лекций. Этот дерзкий мальчишка разбудил в ней вулкан, и она понятия не имела, как теперь загнать кипящую лаву обратно. Да и нужно ли?

Анна Сергеевна одернула юбку, поправила очки и направилась к выходу. Завтра снова лекция. Завтра он снова будет сидеть на задней парте и смотреть на нее своими темными, голодными глазами. И она боялась. Боялась не того, что это повторится снова. Она боялась, что будет ждать этого с самого утра и больше ни о чем не сможет думать.

Иногда люди слишком долго плывут по течению. А потом нечто запретное, неправильное с точки зрения морали меняет их жизнь в лучшую сторону. Так может быть, это нечто не такое уж неправильное, как кажется на первый взгляд?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.